

Среди книг

[262]

ил 9/2019

с Еленой Шакировой

КЕЛЕМЕН МИКЕШ *Турецкие письма* / Перевод Ю. П. Гусева. — М.: Наука, 2017

Уже в третий раз в серии “Литературные памятники” увидел свет произведение венгерского автора. Поэзия Балинта Балашши (2006), философская драма “Трагедия человека” Имре Мадача (2011)... И вот теперь настала очередь прозы: в русском переводе вышли “Турецкие письма” Келемена Микеша. Все три книги изданы усилиями Юрия Павловича Гусева, ведущего российского исследователя и переводчика венгерской художественной литературы. “Турецкие письма” Юрий Павлович не только блестяще перевел, но и сопроводил примечаниями.

Ю. П. Гусев вновь представил российским читателям одно из вершинных произведений венгерской литературы. Если лирика Б. Балашши — настоящее сокровище венгерского Ренессанса, а гениальная пьеса И. Мадача (1861) — величайшее явление венгерской драматургии, то “Турецкие письма” Микеша, созданные в XVIII веке — не просто первое произведение художественной прозы на венгерском языке, но явление, оказавшее огромное влияние на

всю историю венгерской прозы, заложившее важные тенденции ее развития.

Келемен Микеш (1690—1761) — человек необычной и трагической судьбы. Он родился и вырос на венгерской земле — в Трансильванском княжестве, но уже в двадцать один год покинул родину и до самой смерти жил на чужбине — в Польше, во Франции и, наконец, в Турции, где и прошла большая часть его жизни (целых сорок четыре года — с 1717 по 1761).

С отечеством и семьей молодой дворянин расстался, добровольно отправившись в изгнание вслед за своим патроном, князем Трансильвании Ференцем II Ракоци (1676—1735), после поражения в антигабсбургской национально-освободительной войне венгерского народа, которую князь Ракоци возглавлял с 1703 по 1711 год. Надеясь на победоносное возвращение в Венгрию, князь со свитой путешествовал по Европе в поисках союзников. Но надежда эта неумолимо таяла, и в конце концов трансильванские изгнанники, уже не нужные ни французскому королю,

ни даже их главному покровителю — турецкому султану, — были сосланы в захолустный городок Родосто, или Раде-стус¹ (совр. Текирдаг) на берегу Мраморного моря.

На родине Келемен Микеш вместе со всей свитой князя был заочно приговорен к смерти и лишению имущества. Несмотря на хлопоты матери, писавшей прошения о помиловании, он не пожелал вернуться в Трансильванию и остался при князе до самой смерти своего повелителя — до 1735 года. С Ференцем II Ракоци его связывали глубокие личные отношения: рано потеряв отца и оказавшись вдали от семьи, он испытывал к князю сыновнее почтение и любовь. Собственной семьи и детей у Микеша не было.

Путь домой был Микешу навсегда заказан. Лишь однажды, сопровождая в военном походе сына Ференца II, молодого князя Йожефа Ракоци, он оказался в Румынии, недалеко от границы с Трансильванией, и смог разглядеть высившиеся вдали горные вершины, которые помнил с детства. После безвременной смерти князя Йожефа (он скончался от болезни в том самом румынском походе) его сторонникам пришлось вернуться в Родосто, хотя пребывание там оставшейся горстки венгерских изгнанников давно стало бессмысленным и бессмысленным. Они обратились с прошением о помиловании к

австрийской императрице Марии Терезии. Ее ответ был лаконичен и безжалостен: “*Ex Turcia nulla redemptio*” — “Из Турции возврата нет”.

Микеш пережил своего престола почти на четверть века. Самый юный из сорока приближенных Ференца II Ракоци, прибывших в Турцию, он провожал в последний путь одного соотечественника за другим, пока не остался в одиночестве. Умер он в 69-летнем возрасте во время эпидемии чумы. Место его захоронения неизвестно. После себя он оставил лишь рукописи литературных сочинений. Самое знаменитое из них впоследствии получило название “Турецкие письма”. Через тридцать лет после его смерти эта рукопись загадочным образом обнаружилась в Вене, а оттуда попала в Венгрию, где в 1794 году ее издал учитель-энтузиаст Иштван Кульчар при участии языковеда и литератора Миклоша Реваи. Имя Келемена Микеша сразу же привлекло к себе внимание свобододолюбивой венгерской интеллигенции и вскоре стало легендарным. Памятник в родном городе, символическое перенесение праха на родину, переводы на десяток языков, множество научных публикаций, музыкальные произведения — всего этого удостоился после смерти скромный вассал князя Ференца II Ракоци. Эти два образа — героического князя-изгнанника и его ближайшего сподвижника — остались тесно связанными в памяти потомков.

Келемен Микеш попал ко двору Ференца II Ракоци в 17-летнем возрасте, по протек-

1. По-венгерски это название произносится «Родошто», и этот вариант произношения отражен в русском переводе «Турецких писем».

ции родственников, после учебы в Коложварской иезуитской коллегии. Поначалу юноша служил пажом, но со временем князь сделал его камердинером, секретарем, а незадолго до смерти назначил своим душеприказчиком. В 1712 году, путешествуя вместе с Ференцем II Ракоци и его сподвижниками по Европе, Микешу довелось побывать в Версале, при дворе “короля-солнца” Людовика XIV. В Париже он в составе свиты князя посещал театр, балет и оперу, концерты, придворные балы. По настоянию патрона Микеш изучал французский язык, математику, географию, историю... Из Парижа он вслед за Ференцем II Ракоци отправился в монастырь в альпийском селении Гробуа. Здесь князь в уединении работал над мемуарами и “Исповедью”, а его молодой помощник занимался чтением и самообразованием. Страсть к книгам и литературным трудам, без сомнения, сближала их. И во Франции, и позже, в Турции, Келемен Микеш имел доступ к личной библиотеке Ференца II Ракоци. По всей вероятности, он собирал и собственную библиотеку.

Однако созревание Микеша-писателя завершилось лишь спустя годы, в Турции, когда он оказался навсегда оторванным и от родной земли, и от западноевропейской культурной почвы.

В 1717 году из-под его пера одно за другим стали выходить письма, адресованные вымышленной собеседнице — “милой кузиночке”, или “графине П. Э.”, которая будто бы тоже проживала в изгнании в

Турции, неподалеку от Стамбула. Эти послания стали для Келемена Микеша настоящей отдушиной в часы досуга. В них он упражнялся в галантном стиле, столь полюбившемся ему во Франции, предавался ностальгии по родному краю, горевал об умерших соотечественниках, живописал безрадостные подробности своего жителя-бытья, пересказывал новости, курьезные истории и сведения из книг... “Переписку” эту он вел почти до самой смерти. Между первым письмом 27-летнего Микеша к “кузиночке” и последним, 207-м по счету, которое датировано 1758 годом, прошло более сорока лет.

Литературным трудам посвящал свой досуг и князь Ференц II Ракоци, оставивший потомкам мемуары о национально-освободительной войне и автобиографические произведения на французском языке и латыни. (Кто знает, какую роль сыграл в их создании Келемен Микеш — молодой секретарь князя, образованный и одаренный?) Известно и о дневниках, которые вели в изгнании соратники Ференца II Ракоци, желая запечатлеть для истории каждый шаг этого выдающегося политика и военачальника. “Турецкие письма” — тоже, в сущности, своего рода дневник, но в этом произведении появился качественно новый элемент — художественный вымысел. Именно благодаря ему “Турецкие письма” Микеша стали первым опытом венгерской художественной прозы.

Еще во Франции Микеш познакомился с шедеврами эпистолярной прозы эпохи

классицизма; возможно, среди них была и переписка Роже де Рабютена, графа де Бюсси, с его родственницей мадам де Севинье, опубликованная в Париже в 1697 году. Это произведение, как считают исследователи, могло стать источником вдохновения для автора “Турецких писем”. Французскую эпистолярную прозу классицизма отличали изящный стиль и непринужденный тон светской беседы. Тематика ее находилась в сфере непубличной, частной жизни, а в центре внимания авторов были не столько факты и события, сколько мысли, чувства, переживания.

Эти особенности присущи и произведению Келемена Микеша. Хотя большую часть жизни он провел в окружении куруцев — приспешников Ференца II Ракоци, сторонников национальной независимости и национального абсолютизма, мы не найдем в “Турецких письмах” политической тенденциозности, обвинений, сведения счетов — словом, того, что характерно для сочинений политических эмигрантов всех времен и народов. Нет в них и самоанализа, обнажения потаенных уголков души, свойственных исповедальной прозе.

“Турецкие письма” Микеша — в противовес традиции венгерской автобиографической прозы XVII века — “несерьезны” по своему замыслу. Их цель — не убедить, но увлечь и развлечь читателя. С первой же фразы “Турецких писем” — “Милая кузиночка...” — нас захватывает необычайно живой, душевный, совершенно не “книжный” тон

повествования. События своей жизни Микеш неизменно описывает с мягким, добродушным юмором; даже безответную любовь к Жужи Кёсеге, юной родственнице одного из трансильванских эмигрантов, впоследствии выданной за другого, писатель изображает в шутовском тоне...

Темы писем Микеша любезной кузине весьма разнообразны. Личные впечатления и переживания, описания быта и нравов турок (большая часть — цитаты из книги “The history of the Present State of the Ottoman Empire”¹ (1668) сэра Пола Рико), литературные и исторические анекдоты, отрывки стихов собственного сочинения — все это переплетается так естественно, словно мы слышим изящную салонную беседу. Вполне в духе легкомысленного XVIII века Микеш представляет своей собеседнице историю человечества как цепь курьезов, забавных и пикантных историй, едва ли не главную роль в которых играют, конечно же, дамы. А звучит разговор с придуманной собеседницей на венгерском диалекте Трансильвании, который Келемен Микеш сохранил в чистоте, со всеми его особенностями произношения, лексики, фразеологии. Ведь язык оставался для писателя единственной связью с родной Трансильванией — Эрдеем, Лесным краем. (“А мне бы больше хотелось быть горшком с капустой в Эрдее, чем кофейной чашкой на столике у султана”, — полушутя сетует он.)

1. “Картина Оттоманской империи”.

Келемен Микеш — первый венгерский прозаик, который показал красоту разговорной речи и ввел в литературу язык живого общения. Впоследствии, уже в XIX веке, разговорная речь вновь заняла достойное место в венгерской литературе благодаря творчеству Ш. Петёфи и М. Йокаи. Именно родная речь, наряду с глубоко усвоенной западноевропейской культурой, помогала Микешу стойчески переносить невзгоды на чужбине.

В качестве приложений в книгу включены статьи венгерского литературоведа Габора Тюшкеша “Келемен Микеш и “Турецкие письма”” (в переводе Ю. Гусева) и российского ис-

торика, хунгаролога О. В. Хавановой “Родина Келемена Микеша: Трансильванское княжество”. А предваряет эти обстоятельные научные статьи небольшое эссе венгерского писателя начала XX века, блестящего стилиста Деже Костолани. Оно создает яркий и живой образ Келемена Микеша, отмечая его стойкость, житейскую мудрость, благородство и сдержанность, мягкий юмор, европейскую образованность и горячую любовь к родной венгерской речи. “Микеш с его необъятной перспективой и глубокой человечностью близок нам и сегодня”, — говорит Костолани, и с этими словами нельзя не согласиться.